

АРТЕМ МИХАЙЛОВИЧ СКВОРЦОВ

кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
доцент Челябинского государственного университета,
Челябинск, Россия;
e-mail: artyom-skvorcov@yandex.ru

«Академия не потребует от Вас никакой иной работы, кроме работы над темой, которую Вы сами себе изберете»: антиковеды ЛОИИ в годы Великой Отечественной войны

УДК: 001.8(091)"1941/1945"

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-1-50-67

Исследование выполнено в рамках неинституционального подхода к истории науки и строится на основании неопубликованных источников. Период Великой Отечественной войны в историографии признан особым, однако автор стремится показать связь научных исследований антиковедов Ленинградского отделения Института истории АН СССР (далее — ЛОИИ) с предшествующим и последующим периодом развития науки. Так, работа над «Всемирной историей», начатая в довоенное время, была продолжена в годы войны, но в конце 1944 г. издание признано нецелесообразным. Выявляя особенности научного творчества историков-антиковедов военного времени, автор приходит к выводу, что ученые не концентрировались лишь на чтении научно-популярных лекций и агитационно-пропагандистской работе, а ставили в своих планах и чисто научные вопросы, имеющие разнообразный характер и выбивающиеся из сформулированных Институту истории АН СССР коллективных тем, что не вызывало противодействия со стороны руководства. Контроль за деятельностью сотрудников ЛОИИ, находящихся в разных городах СССР, до 1944 г. был относительно слабым и формальным: завершение тем постоянно переносилось на последующие годы. Характер и содержание докладов сотрудников группы древнего мира ЛОИИ (С.Я. Лурье и М.Е. Сергеев) второй половины 1944 г. и обсуждений их свидетельствуют об определенной свободе ученых от идеологического контроля, о дистанцировании их от дискуссий по использованию марксистско-ленинского наследия в исследованиях античности, о рассмотрении ими вопросов, не свойственных советской историографии 1930-х гг. Подспудно в полученных ими выводах просматривается надежда на демократизацию политического строя. Деятельность сотрудников ЛОИИ по увековечиванию памяти академика С.А. Жебелева выявляет их ориентированность на связь с дореволюционными традициями, заключающимися в том числе в строго научном подходе.

Ключевые слова: антиковедение, Институт истории, классическая филология, история науки, история Российской академии наук.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-28-00240 «Мобилизация древней истории: институциональные трансформации и советский военно-исторический нарратив 1941–1945 гг.».

Период Великой Отечественной войны в истории исторической науки зачастую рассматривается обособленно, что не лишено оснований при определенном ракурсе анализа: ученым-гуманитариям в это время (особенно в 1941–1943 гг.) предписывалось сконцентрироваться на темах воспитания советского патриотизма и идеологического разгрома врага. Однако более детальный анализ научного творчества историков, учет внутренних факторов развития науки позволяет отказаться от такой упрощенной трактовки их деятельности (см., например: [Метель, 2021; Карпюк, 2023]). Безусловно, война изменила условия жизни и творчества ученых, негативным образом сказалась на интенсивности научной деятельности. Новая научная среда — в блокадном Ленинграде и в эвакуации — не могла не повлиять на содержание научной работы и формы ее организации. Но способы адаптации к военным реалиям различались: многое зависело от личных качеств самих ученых, а также от специфики отрасли исторической науки, в рамках которой они работали, и ситуации в этой отрасли в предвоенные годы. Новые явления в жизни и творчестве ученых, возникшие в годы войны, будут присутствовать и в послевоенное время, в период идеологических кампаний [Тихонов, 2016, с. 68].

Общие сведения о работе сотрудников Ленинградского отделения Института истории АН СССР в годы войны можно получить из опубликованной А.Н. Цамутали и А.Н. Чистиковым статьи Д.И. Патрикеева об истории ЛОИИ, подготовленной, вероятно, в 1986 г. в связи с 50-летним юбилеем учреждения [Цамутали, Чистиков, 2016]. Анализ ее содержания позволяет утверждать, что автор основывал повествование на архивных материалах: делопроизводственных документах института, в частности, ежегодных отчетах. Последовательно и скрупулезно восстанавливая историю научного учреждения, Д.И. Патрикеев обращал внимание на структурные изменения в нем, численный и поименный состав, плановые темы и публикации сотрудников; в настоящей статье намечаются вопросы, оставшиеся за пределами внимания Патрикеева. Общие проблемы организации работы ленинградских учреждений в годы войны рассмотрел А.В. Кольцов [Кольцов, 1997], но он не ставил себе задачей изучить специфику научного творчества представителей разных отраслей исторической науки.

Для понимания ситуации в годы войны следует обратиться к последним месяцам довоенного времени. К июню 1941 г. институционально оформилась «советская наука об античности»: воссозданы исторические факультеты с кафедрами древней истории, открыты снова классические отделения в Москве и Ленинграде (о воссоздании классического отделения в Ленинграде см.: [Скворцов, 2020]), в 1936 г. произошла реорганизация научно-исследовательских институтов, после чего возник

Институт истории АН СССР с ленинградским отделением [*Институт российской истории*, 2021, с. 11], в 1937 г. основан журнал «Вестник древней истории» [*Карпюк*, 2017].

Практически с момента организации Института истории АН СССР его сотрудники сосредоточились на подготовке многотомных изданий «Всемирная история» и «История СССР», для чего необходимо было концептуально в русле марксистско-ленинского учения в изводе Сталина осмыслить исторический процесс и наполнить его богатым фактическим содержанием. Подобные издания должны были стать «витриной» достижений советской гуманитаристики и вместе с этим продемонстрировать ведущие позиции в исторической науке Института истории. Его директор академик Н.М. Лукин стремился сделать институт структурообразующим учреждением, контролирующим планы и других академических институтов в области истории [*Центром исторической науки...*], 2021, с. 72–73, 77–78]. По разным причинам — организационного, финансового, личностного, научно-идеологического характера — издание «Всемирной истории» затянулось [*Карпюк*, *Крих*, 2018] и приобрело гигантский размах (изначально, например, задумывалось пять томов, через несколько лет речь шла уже о 26). Конечно, концептуальные обобщения невозможны были и без проведения отдельных «плановых» исследований. Хотя в 1937 г. на ученом совете института и в парткоме критиковался индивидуальный монографический характер работ как пережиток прошлого, все же эта форма отчетности сохранялась [*Тихонов*, 2021, с. 148–149]. Более того, в 1941 г. в группе древнего мира ЛОИИ ее уже никто под сомнение не ставил.

Показательно в этом отношении обсуждение плана работы С.И. Ковалева над монографией «Социальный кризис III в. в Римской империи» 27 февраля 1941 г. Выступавшие в дискуссии Д.П. Каллистов и С.А. Жебелев заявили о слишком объемном ее характере и посоветовали начать с частных вопросов. Ковалев на это предложение согласился, и в итоге его тема на 1941 г. была сформулирована как «Критические исследования к истории социального кризиса III в. в Римской империи», что подразумевало разработку ряда подтем источниковедческого и историографического плана¹. Группа древнего мира ЛОИИ занималась в довоенное время вполне традиционными для науки исследованиями. Этому не помешало и то, что уже в 1936 г. руководство Института ставило в укор специалистам по древности и Средневековью «неактуальную» исследовательскую проблематику, «непатриотизм» и нехватку национального сознания [*Шарова*, 2004, с. 340]. Такие заявления в данном случае имели, скорее, риторический и формальный характер: в условиях подготовки «больших нарративов» возникла востребованность специалистов «старой школы», а соответственно, их подходов. В глазах высшего партийного руководства древняя история как хронологический этап к этому времени уже вновь приобрела самодостаточность, став, как и прежде, неотъемлемой частью исторического процесса. Показательно, что в 1940 г. руководство Сектором древнего мира Института истории после вынужденного ухода А.В. Мишулина по причине получения им стипендии Сталина для написания докторской диссертации перешло (по рекомендации самого же Мишулина) старейшему антиковеду Ленинграда академику С.А. Жебелеву [*Советская древность*, 2021, с. 200]. Последние мирные годы, рубеж

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 133. Оп. 1. Д. 1655. Л. 59.

1930–1940-х гг., многие историки-антиковеды вспоминали как «золотое время» совместной работы «ленинградцев» и «москвичей» на контрасте разобщенности общества после войны. 8 сентября 1945 г. А.И. Болтунова пишет следующие строки А.Б. Рановичу: «...слишком замкнулись [мы] в своих маленьких кружках. При жизни С.А. Жебелева не было “ленинградцев” и “москвичей”, а был один сектор. Помогал этому очень сильно также и ВДИ («Вестник древней истории». — *Прим. авт.*) и общая работа над “Всемирной историей”. А теперь слишком уж мы разобщены»². О разобщенности антиковедов Советского Союза пишет и К.М. Колобова в письме тому же А.Б. Рановичу 22 июня 1946 г., отмечая, что «ленинградцы»-историки практически не знают «москвичей», за исключением четырех-пяти человек, и в целом имеют случайные сведения о тематике исследований в столице³.

В 1941 г. с подготовкой томов «Всемирной истории» руководство уже не торопилось. Академик В.П. Волгин, главный редактор издания, настаивал, по словам Жебелева, не столько на соблюдении жестких сроков сдачи работы, сколько на ее высоком научном уровне, поскольку чрезмерная спешка в работе авторов и редакторов может привести к снижению качества⁴. А при обсуждении плановой темы старшего научного сотрудника группы древнего мира ЛОИИ М.А. Коростовцева на 1941 г., заключающейся в выполнении переводов и написании комментариев к египетским историческим текстам эпохи Среднего царства, В.В. Струве высказался за то, чтобы подготовленное на этой основе издание не удовлетворяло лишь интересам университетского преподавания («Время заниматься такими делами в Академии наук прошло»): переводы, по его убеждению, должны стать систематической серией, с соответствующим научным аппаратом⁵. Очевидно, в качестве образцов подразумевались фундаментальные немецкие издания источников, осуществляемые с XIX в. Индивидуальные планы других сотрудников группы древнего мира ЛОИИ, помимо подготовки отдельных глав «Всемирной истории», включали работу над индивидуальными монографиями: с. н. с. Ю.Я. Перепелкин и С.Я. Лурье рассчитывали закончить и оформить к печати к концу года книги «Переворот Эхнатона» и «Афинско-Делосский морской союз» соответственно; с. н. с. С.И. Ковалев, как уже упоминалось, приступил к исследованию «Социального кризиса в Римской империи в III в.»; с. н. с. Д.П. Каллистов продолжал работать над темой «Боспор и Рим после смерти последнего Перисада до IV в. н.э.»; с. н. с. А.И. Болтунова исследовала «Колхиду в древности». Также в ЛОИИ докторантом числился С.Л. Утченко, которому предстояло в ближайшие два года подготовить «Критические заметки к истории аграрного законодательства в Римской республике»⁶. В апреле 1941 г. С.А. Жебелев на заседании группы выступил с докладом о датировке так называемой Киренской конституции, высказав предположение, что ее следует относить к 322/321 гг. до н. э., когда в начале правления Птолемея I пять номофетов по указу царя провели ревизию старых законов, итогом чего и стал этот документ. Ленинградский академик опровергал предположение ряда историков, датировавших источник захватом

² Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Сост. А.И. Клоев, О.В. Метель. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2018. С. 30.

³ Там же. С. 48.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1665. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 57

⁶ Там же. Л. 1–9.

Кирены Магом, пасынком Птолемея I, 308/307 г. до н. э.⁷ В качестве основных направлений на ближайшие годы группа выдвинула довольно традиционные еще для дореволюционного антиковедения темы: «История Причерноморья в античную эпоху», «Античное государство (Восток, Древняя Греция и Рим)»⁸.

Начавшаяся война изменила привычный образ жизни. Судьба членов группы древнего мира ЛОИИ сложилась следующим образом. М.А. Коростовцев и С.Л. Утченко были мобилизованы. Коростовцев попал в Красную армию, откуда был демобилизован в середине 1942 г. и распределен в Институт истории АН СССР в Москве на должность ученого секретаря [*Ладынин, Тимофеева*, 2014, с. 371]), Утченко же как члена ВКП(б) (с 1931 г.) распределили в Военно-политическую академию, а после ее окончания направили в Сибирь, где он чуть не попал в штрафбат за то, что в 1920-е гг. жил и работал в типографии у своего дяди в Берлине, но в итоге ему удалось на два года устроиться преподавателем общественных дисциплин в Омскую школу военных поваров и скрыть «компрометирующие» его сведения⁹. С.А. Жебелев умер 28 декабря 1941 г. С.Я. Лурье в августе 1941 г., написав заявление об увольнении, покинул Ленинград и уехал в Иркутск.

В течение первой половины 1942 г., до эвакуации, после отъезда М.В. Левченко и смерти С.А. Жебелева работой ЛОИИ руководил С.И. Ковалев. Ковалев, имея большой пропагандистский опыт, полученный в годы революции и Гражданской войны, занимался в это время составлением брошюр по линии Госполитиздата, написав «Ганнибал у ворот» и «Политические итоги года войны». Подобные брошюры (объемом примерно 2 п. л. и значительным тиражом, в среднем 23 тыс. экземпляров) имели большое хождение в годы войны [*Бурдей*, 1995, с. 5]. На их создание были брошены прежде всего научные кадры, однако не все ученые были способны исполнить поставленную задачу. Так, Е.В. Гарле заметил, что писать такие маленькие книжки трудно, «надо подбирать конкретные факты, с учетом того, что нынешние красноармейцы и краснофлотцы очень требовательный читатель. Им нельзя преподносить известные и избитые факты, их надо развлечь, дать им соответствующую зарядку и сообщить наименее известные подробности» (цит. по: [*Бурдей*, 1995, с. 11–12]). Уже в середине 1943 г. заместитель директора Института истории АН СССР А.Д. Удальцов критиковал практику поголовного привлечения научных сотрудников, в том числе аспирантов, к написанию таких брошюр, сильно мешавших основной исследовательской работе, отмечая, что не у всех имеются соответствующие навыки, в результате чего 70% брошюр оказываются забракованными¹⁰.

А.И. Болтунова, Д.П. Каллистов и Ю.Я. Перепелкин продолжили работу в блокаде Ленинграда до середины 1942 г. в рамках уже единого для всех специалистов по истории зарубежных стран Сектора всеобщей истории ЛОИИ. Очевидно, что

⁷ Там же. Л. 54–55.

⁸ Там же. Л. 47.

⁹ *Рабинович М.В.* Воспоминания долгой жизни. Режим доступа: https://vgulage.name/books/rabinovich-m-b-vozpominaniya-dolgoj-zhizni/#chapt_72025 (дата обращения: 28.12.2023).

¹⁰ Стенограмма заседания Ученого совета Института истории от 23 августа 1943 г. // Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1577. Оп. 2. Д. 74. Л. 21 об.

полноценную научную деятельность в блокадном городе вести было невозможно¹¹, особенно ставить новые исследовательские задачи, поэтому на 1942 г. были сформулированы темы, связанные в основном с редактированием или переработкой глав четвертого тома «Всемирной истории», посвященного эллинизму, закончить который планировалось на этот раз в декабре 1942 г. Главы были распределены следующим образом: за А.И. Болтуновой числились «Понтийское царство», «Греческие города западного побережья Малой Азии», «Источники»; за С.И. Ковалевым — «Введение. Общая характеристика эллинистического периода», «Религия и философия»; он же осуществлял общую редакцию; за Д.П. Каллистовым — «Северное и Западное Причерноморье», «Западное Средиземноморье и Сицилия», «Киренаика и островной мир». План Каллистова также включал главы для пятого тома — «Первая и Вторая Пунические войны», «Начало борьбы за Восточное Причерноморье и Третья Пуническая война», «История Рима между Первой и Второй Пуническими войнами», «Северное Причерноморье в Римскую эпоху», а Болтуновой следовало переработать написанные, но не принятые по разным причинам сюжеты: «Царство Птолемеев» (К.К. Зельина), «История науки эллинистической эпохи» (С.Я. Лурье), «Месопотамия» (Н.В. Пигулевской), «Иудея под властью Сирии» (А.Б. Рановича)¹². Предполагалась разработка ряда брошюр «антифашистской тематики». Лишь у Ю.Я. Перепелкина было запланировано продолжение работы над собственным монографическим исследованием «Переворот Эхнатона (историковедческое научное исследование¹³)», которое, впрочем, ему необходимо было сдать в печать, по плану, еще в конце 1941 г. Заметим, что сроки выполнения каждого пункта плана выпадали в основном на вторую половину года. Научные сотрудники, вероятно, предчувствовали тяжелые условия жизни в Ленинграде в зимние месяцы 1942 г.

И действительно, в январе-феврале 1942 г. в блокадном городе, как следует из отчета, всяческая работа была прекращена из-за отсутствия света, отопления и общего истощенного физического состояния сотрудников [Кольцов, 1997, с. 119]. Только в марте этого года началось некоторое оживление: стал действовать Объединенный ученый совет оставшихся в Ленинграде академических институтов [Там же, с. 130–131], на заседании которого, в частности, была защищена докторская диссертация М.Е. Сергеенко «Очерки по истории сельскохозяйственного быта Древней Италии (Очерки по истории итальянской агрокультуры)» в июне 1942 г. [Басаргина, 2021]. В этом же году на заседаниях Сектора всеобщей истории ЛОИИ С.И. Ковалев сделал доклад «Ганнибал у ворот Рима», а Д.П. Каллистов — «Сможет ли Муссолини восстановить Римскую империю». Весной несколько заседаний было посвящено обсуждению доклада Ковалева и содоклада Каллистова по вопросу о взаимоотношениях между методами науки и искусства «О некоторых особенно-

¹¹ О работе ЛОИИ в блокадном Ленинграде сохранились воспоминания К.Н. Сербиной: [Сербина К.Н.] Воспоминания К.Н. Сербиной о работе в ЛОИИ в годы войны и блокады // Вспомогательные исторические дисциплины. 2015. Т. XXXIII. С. 552–562.

¹² Планирование и отчетность ЛОИИ за 1942 г. // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 1684. Л. 1.

¹³ Такой подзаголовок появился, видимо, с целью автора дистанцировать свое исследование от издававшихся в то время в большом количестве брошюр историко-политико-идеологического характера.

стях истории как науки»¹⁴. Очевидно, содержание выступлений не отличалось научной новизной, но такие заседания нужны были для ученых как моральная и психологическая поддержка, возможность отвлечься от военного быта. А.И. Болтунова за первую половину года отчиталась следующей деятельностью: «1) обрабатывала и оформляла материалы к главе “Понт” 4 тома “Всемирной истории” (написано 1,5 п. л.); 2) собран и обработан материал для окончания этой главы 3) просмотрен материал источников и литературы для редактирования главы 4 “Всемирной истории”: “[Иудея¹⁵ под властью Сирии]»; Ю.Я. Перепелкиным был подготовлен к печати «Переворот Эхнатона»¹⁶. Показательны глаголы, которые использует в отчете Болтунова: обрабатывала, оформляла, собран, обработан, просмотрен. По смыслу они довольно абстрактные. В целом следует отметить ослабление контроля за деятельностью ученых в блокадном Ленинграде. Об этом свидетельствует, в частности, то, что С.И. Ковалев, являясь руководителем ЛОИИ, ввел в состав института своих друзей, не имеющих исторического образования, — неких Венедиктова и Новожилова. Их увольнений позже (в августе 1942 г.) добивался М.В. Левченко, указывая на то, что он не был поставлен в известность по данному вопросу¹⁷.

Эвакуация института 12 июля 1942 г., вероятно, происходила в спешке: сотрудники ЛОИИ разъехались по разным городам, практически не взяв с собой своих записей и черновики. Д.П. Каллистов оказался в Ташкенте, С.И. Ковалев, Ю.Я. Перепелкин, А.И. Болтунова в Казани, М.А. Коростовцев после демобилизации в Москве. Такое положение дел в известной степени привело к децентрализации в планировании научной деятельности, но способствовало самоорганизации ученых. После отъезда коллег оставшимся в Ленинграде сотрудникам института М.И. Стеблин-Каменской (в статусе «уполномоченной»; умерла 20 марта 1943 г.), К.Н. Сербиной (старшему научному сотруднику, ставшей «уполномоченной» после смерти Стеблин-Каменской) и А.К. Тумановой (техническому работнику) пришлось долго наводить порядок в помещениях — рукописи готовых книг, статей, переводов порой находились среди мусора [Ананьев, 2010, с. 473–474]. После прорыва блокадного кольца, 18 января 1943 г., Сербина по запросу коллег, переданному телеграфным способом, стала высылать из Ленинграда требуемые источники и рукописи. Такие телеграммы сохранились в архивном деле под заглавием «Переписка по научным вопросам»¹⁸. Так, 4 июля 1943 г. бандеролью в Ташкент отправлены статьи из «Византийского сборника» (готовился еще до войны), по просьбе С.Я. Лурье в Москву высланы подготовленные им главы для третьего тома «Всемирной истории»: «Афинская демократия в эпоху Перикла», «Религия», «Эпоха

¹⁴ Заметим, что отчет не содержал сведений о физическом истощении сотрудников: СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 1684. Л. 16.

¹⁵ На месте названия государства в документе пропуск. Однако благодаря более поздним отчетам название темы полностью восстанавливается.

¹⁶ Годовые планы и отчеты сотрудников по научно-исследовательской работе за 1942–1943 гг. // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 3. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 29 об.

¹⁸ Для примера приведем телеграмму С.Н. Валка: «ЕСЛИ ВОЗМОЖНО ПРОШУ ВАС РАЗЫСКАТЬ В ЦОКОЛЕ ВЯТКИНА ЗАХВАТИТЬ ПАПКУ МАТЕРИАЛОВ АЛЕКСАНДРЕ ТРЕТЬЕМ ВАЛК» (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 6. Л. 5).

персидского преобладания», «Пелопоннесская война» и др.¹⁹ Активная переписка по вывозу разного рода источников и рукописей свидетельствует о том, что ученые на определенном этапе приспособились к условиям военного времени — война стала частью повседневной жизни, — а также об их желании продолжать традиционные научные исследования и не концентрироваться лишь на чтении популярных лекций и агитационно-пропагандистской работе. Погружение в исторические источники для ученых было своеобразной формой борьбы с «энтропией» войны [Басаргина, 2021, с. 365].

Заметим, что в соответствии с решением исполкома Ленгорсовета от 3 марта 1942 г. жилплощадь и имущество деятелей культуры и искусства сохранялись за ними до их возвращения в Ленинград, квартирная плата за занимаемые ими помещения должна была вноситься по месту их жительства. Здесь следует учесть, что это решение относилось только к квартирам сотрудников, имеющих ученые степени²⁰, но не всегда на практике соблюдалось (под особым контролем находились только квартиры академиков). Сохранились документы, связанные с освобождением незаконно заселенной квартиры Ю.А. Перепелкина, где находилась «ценная библиотека и рукописные материалы, взятые под охрану (sic!) Академией Наук»: у управхоза не было сведений о наличии ученой степени у собственника²¹.

Первое время в эвакуации ученые пребывали в растерянности относительно своей дальнейшей научной работы. М.В. Левченко, который снова принял на себя руководство ленинградским отделением, писал С.И. Ковалеву и А.И. Болтуновой, находящимся в Елабуге, с настойчивыми просьбами «выслать *ориентировочный* (курсив мой. — А.С.) план <...> работы», надеясь, что ящик с рукописями будет получен²². В письме адресант подчеркивает шаткость положения самого отделения и стремление руководства АН СССР объединить его с головной организацией — Институтом истории. В этих условиях подробная роспись планов, которые бы отразили активную деятельность ленинградских историков, смогла бы способствовать сохранению автономности. Левченко ссылается и на неоднократные требования А.Д. Удальцова предоставить такие планы. Высокая требовательность в этом вопросе объясняется не только традиционной установкой советской науки на плановость, но и прежде всего дисперсным расположением ученых и отсюда сложностью контроля за их деятельностью. Заметим, что конкретные предписания по разработке тех или иных тем автором письма не направлялись. Показательным в связи с этим является конфликт середины 1944 г., произошедший между византинистом А.С. Степановым, пребывающим в Пензе, и М.В. Левченко, находящим-

¹⁹ Переписка по научным вопросам за 1944 г. // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 6. Л. 25, 28.

²⁰ Вопросы, связанные с жилплощадью эвакуированных сотрудников, 4.01.1944–5.12.1944 гг. // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 14. Л. 3, 11.

²¹ Там же. Л. 95, 97.

²² Годовые планы и отчеты сотрудников по НИР, 1942–1943 гг. // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 3. Л. 16. М.В. Левченко в письме от 17 августа 1942 г. ходатайствовал перед Президиумом АН СССР о вывозе из Ленинграда следующих материалов: собрание Лихачева; 15 ящиков с копиями документов XV–XVI вв. (для С.Н. Валка); три ящика древнерусских грамот до XVI в.; подготовленные к изданию «Византийский сборник» (1-й и 2-й тома), «Русская Правда» (3-й том); «Всемирная история», отредактированная С.А. Жебелевым (4-й и 5-й тома); рукописи академика Державина (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 3. Л. 31 об. — 32).

ся в Ташкенте. Последний требовал предоставить перевод (вероятно, частичный) «Византийской истории» Дуки в рамках плановой темы группы истории Византии «Известия византийских писателей о Скифии и Кавказе»²³, угрожая увольнением. Однако Степанов, ссылаясь на отсутствие необходимой литературы (только лишь источник, выписанный из Москвы, был у него на руках) в Пензе, отказывался от участия в коллективной работе. В качестве аргумента строптивый сотрудник сослался и на одно из писем Левченко к нему, написанное по случаю приема на работу, где кроме всего прочего были следующие строки: «Академия не потребует от Вас никакой иной работы, кроме работы над темой, которую Вы сами себе изберете»²⁴. Очевидно, ситуация в научной среде в 1944 г. отличалась от 1943 г., когда трудоустроивался Степанов, и более раннего времени — 1942 г. Временно ослабленные требования в начале войны стали восстанавливаться уже в конце ее. Заметим также, что в том же деле, где хранится упомянутое письмо, имеются не только отчеты научных сотрудников, но и рецензии на отчеты, в документах фигурирует и годовой норматив научной продукции — 8 п. л.²⁵ Кроме того, из письма Степанова следует и то, что в годы войны действовал межбиблиотечный абонемент.

Общая тема по всеобщей истории в Институте истории АН СССР на 1943 г. соответствовала условиям военного времени — «Разоблачение германского фашизма». В рамках такой формулировки востребованными были не только специалисты по Новому времени и XX в., но и медиевисты, исследующие с целью разоблачения расистской теории вопросы этногенеза европейских народов и средневековую историю славянских народов в контексте борьбы с захватчиками, а также византинисты, в ведении которых были вопросы «Ромейской империи» и ее тесной связи с Древней Русью²⁶. Но сформулированная общая тема не стала препятствием для разработки индивидуальных проектов. Очевидно, что специалистам по древности найти какие-либо проблемы в предложенном ракурсе представлялось затруднительным, поэтому руководство не препятствовало продолжению исследования «Переворота Эхнатона» Ю.Я. Перепелкиным, «Боспора Киммерийского» Д.П. Каллистовым. С.И. Ковалев избрал себе тему «Античность и европейская культура». Заметим, что Перепелкин писал свое исследование вторично, поскольку его переводы надписей оказались утрачены в ходе эвакуации, а первичный вариант книги так и не был вывезен из блокадного Ленинграда²⁷.

1943-й год стал рубежным не только в Великой Отечественной войне, но и для ученых: стали просматриваться перспективы победы. Руководство Института истории АН СССР откликнулось на это пятилетним перспективным планом (1944–1948 гг.). В нем большое значение получило исследование истории русской культуры с ракурсом выявления ее значимости в мировом масштабе, в связи с чем был

²³ Другое название темы, фигурировавшее в делопроизводственной документации, — «Известия византийских писателей о народах, населявших территорию СССР».

²⁴ Переписка по научным вопросам ЛОИИ, 1944 г. // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 7. Л. 48 об.

²⁵ Впрочем, установленная норма еще не означала, что написанные статьи и книги обязательно должны быть опубликованы.

²⁶ Годовые планы и отчеты сотрудников ЛОИИ по научно-исследовательской работе, 1942–1943 гг. // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 3 Л. 93, 114, 117.

²⁷ Там же. Л. 55.

дан импульс изданию византийских источников по истории Руси. В качестве важнейшего направления поставлено изучение истории славян и истории Ленинграда. В планах ЛОИИ значилось: издание своих «Записок», расширение штатов, прием новых аспирантов, увеличение числа издаваемых монографий. Вопросы военной истории по-прежнему являлись востребованными — именно в рамках этого направления Ю.Я. Перепелкин на перспективу избирает себе исследование «Египетский капкан (Палестина, Финикия, Сирия под властью фараонов Нового царства)», а Д.П. Каллистов — «Путь к мировому господству (о процессе эллинизации варваров и варваризации греков в Причерноморье)»²⁸. Завлекательное название отнюдь не означало, что само издание будет носить популярный характер, и, вероятно, было сформулировано таким образом, чтобы эту монографию «продвинуть» в план института. Сохранившееся в документах примерное содержание книги Перепелкина — тому свидетельство. Предполагалось, что в первой главе будут разобраны египетские источники по теме, во второй — клинописные источники, в третьей — источники на сиро-палестинских языках, в четвертой — монеты и вещественные памятники, в пятой же осуществлен сводный обзор. Другими словами, задумывалось издание источниковедческого профиля²⁹.

Итак, на 1944 г. в ЛОИИ было намечено три коллективные темы: «История Ленинграда», «Русская Правда», «Известия византийских писателей о народах, населявших территорию СССР»³⁰, среди которых исследовательских сюжетов для антиковедов опять же не находилось, поэтому сотрудники группы древнего мира выполняли индивидуальные работы. Приведем примеры из их отчетов за первое полугодие 1944 г. Сохранились, например, отчеты С.Я. Лурье, свидетельствующие о том, что он, находясь в Москве, снова стал штатным сотрудником ЛОИИ³¹. Лурье продолжал тему «Делосско-Афинский морской союз», по которой написал четыре главы, сдал в печать две книги, «Архимед» и «Очерки по истории античной науки». А.И. Болтунова написала главу «Понт» для «Всемирной истории», собрала материалы для главы «Кирина» и для отдельной работы «Античная традиция о Колхиде», отрецензировала следующие главы четвертого тома «Всемирной истории»: «Александр Македонский», «Диадочи», «Месопотамия», «Искусство», «Литература», «Религия», «Философия», «Греция и Македония». Д.П. Каллистов готовил заключительную главу «Боспор во II–V вв.» для монографии «Боспор Киммерийский», составил рецензии на три главы четвертого тома «Всемирной истории», сверх плана сдал в печать три статьи по специальным вопросам истории Северного Причерноморья античной эпохи. Ю.Я. Перепелкин работал по теме «Египетский Ханаан», а конкретно над Эль-амарнской клинописной перепиской, в особенности над ее географическими терминами, готовя к печати свою диссертацию «Последовательность надписей времени Эхнатона»³².

²⁸ Там же. Л. 48–48 об.

²⁹ Там же. Л. 48 об.

³⁰ Отчет о научной работе Ленинградского отделения за 1 квартал 1944 г. // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 4. Л. 1–1 об.

³¹ С.Я. Лурье еще в декабре 1942 г. Президиумом Академии наук был вызван в Москву из Иркутска для написания статей в юбилейный сборник в честь Ньютона.

³² Там же. Л. 2 об., 11, 14.

Если сравнить тематику исследований с довоенным временем, то можно заметить значительное сходство. «Стахановские» планы рубежа 1930–1940-х гг. по написанию монографий, думается, не были осуществлены не только по причине начавшейся войны, хотя, безусловно, она отвлекла много сил и энергии, но и вследствие невозможности за короткое время решить крупные проблемы античной истории на высоком уровне. Приведем примеры объяснений невыполнения плана за 1944 г., которых было вполне достаточно для перенесения тем на последующее время: Лурье не закончил «Делосско-Афинский морской союз» ввиду утери в библиотеке необходимых книг; Болтунова не могла приступить к редактированию глав «Всемирной истории» из-за того, что они не прибыли из Москвы; Каллистов не завершил диссертацию о восточно-европейском варварстве, так как пребывал в Москве, а необходимые книги имелись лишь в Ленинграде³³. Фундаментальные работы зачастую замещались статьями на отдельные сюжеты.

Но даже, казалось бы, законченные в разгар войны монографии по плановым темам снова пересматривались в самом конце войны и после нее в связи с установившимся доступом к литературе. В итоге Лурье издал «Архимеда» в 1945 г., «Очерки по истории античной науки» в 1947 г., а монография по «Делосско-Афинскому морскому союзу» так и не вышла в свет; Каллистов опубликовал «Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи» в 1949 г., «Северное Причерноморье в античную эпоху» в 1952 г.; в библиографическом списке Болтуновой монографии не значатся. Многострадальная «Всемирная история» («античная» часть), как видно из отчетов первого полугодия 1944 г., снова подлежала пересмотру. На уже отредактированные еще в 1941 г. главы сотрудники группы древнего мира писали рецензии³⁴, видимо, с целью выявить «слабые» места в связи с изменившейся конъюнктурой. Симптоматично, что Болтунова в конце 1944 г. предлагала поставить перед руководством вопрос о целесообразности завершения работы над четвертым томом и подготовки этого тома к печати³⁵.

Находясь в разных городах Советского Союза, сотрудники бывшей группы древнего мира ЛОИИ практически не коммуницировали друг с другом по исследовательским вопросам. Руководство Академией наук стремилось воссоединить коллективы институтов, требуя, например, от историков ЛОИИ переместиться в Ташкент. Но столица Узбекской ССР, куда был эвакуирован Институт истории АН СССР, не только была бедна на научную литературу, но и имела непривычно жаркий климат и недостаточную жилплощадь. Уже в августе 1942 г. М.В. Левченко ходатайствовал перед Президиумом Академии наук о возможности египтологам, антиковедам, византинистам и медиевистам, оказавшимся в Казани и Елабуге, там же и остаться, поскольку столица Татарской АССР располагала богатой университетской библиотекой, позволявшей вести научные занятия и, как говорил Левченко, не «декавалифицироваться»³⁶. Имелись, вероятно, и личные мотивы: самому Левченко удалось в Казанском университете устроиться на должность заведующего кафедрой всеобщей истории. Следует учесть и то, что перемещение по стране вместе с семьями и иму-

³³ Протоколы по секторам ЛОИИ, 11.09.44–25.12.44 // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 8. Л. 3.

³⁴ К сожалению, эти документы не сохранились.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 8. Л. 3.

³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1942). Д. 3. Л. 30.

ществом было крайне тяжелым в тех условиях. В итоге вице-президент АН СССР Л.А. Орбели разрешил остаться в Казани и Елабуге только научным сотрудникам: Левченко же, как заведующему ЛОИИ, предписывалось переехать в Туркестан.

Блокада Ленинграда продолжалась, как известно, до конца января 1944 г. Практически сразу после снятия блокады, 10 февраля 1944 г., К.Н. Сербина писала М.В. Левченко, что медлить с возвращением в Ленинград нельзя, поскольку приводить в порядок помещения ЛОИИ и квартиры придется самим же сотрудникам, а для этого наиболее благоприятным является теплое время — весна и лето³⁷. Ревэвакуация происходила летом 1944 г., а с сентября этого же года постепенно возобновляется деятельность ЛОИИ и группы древнего мира. Антиковедами за сентябрь — декабрь были проведены четыре заседания, одно из которых имело статус организационного, остальные — научные. Показательна сама тематика докладов и их основные тезисы. С.Я. Лурье, излагая «Колониальную политику афинских политических партий», критиковал распространенную точку зрения, что афинская демократия бесчеловечно эксплуатировала союзников, а афинские олигархи боролись против эксплуатации и угнетения колонистов-клерухов, добиваясь их автономии. Обращая внимание на тенденциозность основных источников (Фукидида и Псевдо-Ксенофонта) и неверное толкование предшественниками Аристофана и Фриниха, привлекая материал надписей, антиковед обращал внимание на выгоды союзных городов от их вхождения в Афинскую симмахию³⁸ при доминировании в полисе демократов³⁹. Обсуждение доклада происходило в научном ключе, практически все высказывавшиеся (за исключением Каллистова) признали критику старой концепции аргументированной, причем никто не привлек в дискуссии высказывания классиков марксизма⁴⁰. Последнее является довольно симптоматичным, как и восхваление демократического режима в период нарастания победоносных настроений после перелома в войне, в чем нельзя не видеть надежду на либерализацию режима в послевоенное время⁴¹. Другой показательный доклад, «Композиция “De agri cultura” Катона», сделала М.Е. Сергеенко. Опровергая методы разбора этого античного произведения немецкими историками, заключающиеся в отрицании изначального плана текста у римского автора, Сергеенко настаивает, что основным писательским приемом Катона было «зизгагообразное письмо» — в каждом из последующих отделов книги учитывалось сказанное в предыдущем⁴². Обсуждение этого доклада происходило с привлечением аналогичных приемов из других произведений прежде всего греческой литературы. Вероятно, намеренно выбранный узкий частный сюжет позволил исключить какие-либо дискуссии в русле марксистской

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 14. Л. 108.

³⁸ Афинская симмахия, или Первый Афинский морской, или Делосский, союз существовал в 478–404 гг. до н. э. и объединял сотни греческих городов-государств под началом Афин.

³⁹ Протоколы ЛОИИ по секторам, 11.09.1944–25.12.1944 гг. // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 8. Л. 18.

⁴⁰ Там же. Л. 16–17.

⁴¹ Схожие выводы были представлены И.А. Ладыниным и М.Н. Кирилловой на конференции «Советская древность — IX» 24 ноября 2023 г. в выступлении «Доклад С.Я. Лурье “Революция рабов в Этрурии” и его культурно-исторические штудии 1920-х гг.».

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 8. Л. 20.

историографии⁴³. Каллистов же в качестве несомненного преимущества доклада отметил поднятый вопрос о «своеобразии античного мышления»!⁴⁴

В контексте сказанного символично и мемориальное заседание группы 28 декабря 1944 г., посвященное третьей годовщине со дня смерти С.А. Жебелева и собравшее разнообразные научные организации⁴⁵. Производственный план 1945 г. группы древней истории ЛОИИ свидетельствует об определенной нормализации научной жизни: вопрос издания «Всемирной истории» более не поднимается, А.И. Болтунова занимается темой эллинистической монархии, С.И. Ковалев готовит к публикации вузовский учебник по истории Древнего Рима, обсуждая главы на заседании группы, Д.П. Каллистов исследует историю Северного Причерноморья в античную эпоху, С.Я. Лурье составляет пособие «Греческая эпиграфика»⁴⁶, М.Е. Сергеенко исследует вопросы животноводства и птицеводства в Риме. Совместными усилиями группа готовит сборник, посвященный памяти С.А. Жебелева⁴⁷. В означенных темах, как и в отчетах, не ощущаются веяния войны и идеологический пресс, нет и попыток поставить теоретико-методологические вопросы в рамках господствующей марксистской теории. Следует также заметить, что актуализировалось исследование истории Северного Причерноморья — региона, традиционно являющегося сферой интересов российского антиковедения, а в середине 1940-х гг. эти штудии приобрели еще большую значимость в связи со стремлением соотнести историю СССР с античностью и маркировать историю греческих колоний как этап, имеющий непосредственное отношение к древней истории Советского государства [Скворцов, 2022, с. 1305–1306].

Таким образом, и темы докладов научных сотрудников группы древнего мира ЛОИИ, и ход их обсуждения, а также характер исследовательских вопросов на 1945 г. свидетельствуют об определенном снижении идеологического контроля за деятельностью историков в военное время. Характерно, что в тезисах выступления С.Я. Лурье неявно просматривается надежда на демократизацию политического строя. А деятельность сотрудников ЛОИИ по увековечиванию памяти академика С.А. Жебелева выявляет их нацеленность на укрепление связи с дореволюционными традициями, ориентирующими на строго научный подход. К такому положению дел отчасти привела жизнь в блокадном Ленинграде, дисперсное расположение ученых ЛОИИ в эвакуации. В целом контроль за деятельностью сотрудников ЛОИИ, находящихся в разных городах СССР, до 1944 г. был относительно слабым и формальным: завершение плановых тем постоянно переносилось на последующие годы. Специалисты по истории древнего мира в годы войны, как правило, занимались традиционными исследовательскими вопросами, которые выходили за рамки коллективных проектов, что не находило возражения у руководства до определенного момента.

⁴³ Такого же стиля в выборе темы и написании статей М.Е. Сергеенко придерживалась и в 1930-е гг. [Жмудь, 2013, с. 10–12].

⁴⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 8. Л. 19–19 об.

⁴⁵ Там же. Л. 19 об.

⁴⁶ Так и не вышла в свет.

⁴⁷ Отчет о научной работе, производственный план и отчеты сотрудников ЛОИИ за 1945 г. // СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1945). Д. 4. Л. 3, 18 об. — 19.

Источники

Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Сост. А.И. Клюев, О.В. Метель. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2018. 263 с.

Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 1577 (Институт истории АН СССР). Оп. 2. Д. 74.

[Сербина К.Н.] Воспоминания К.Н. Сербиной о работе в ЛОИИ в годы войны и блокады // Вспомогательные исторические дисциплины. 2015. Т. XXXIII. С. 552–562.

Рабинович М.В. Воспоминания долгой жизни. Режим доступа: https://vgulage.name/books/rabinovich-m-b-vozpominaniya-dolgoj-zhizni/#chapt_72025 (дата обращения: 28.12.2023).

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 133 (Ленинградское отделение Института истории АН СССР). Оп. 1 (1942). Д. 3.

СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1655, 1684.

СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1944). Д. 4, 6, 7, 8, 14.

СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1 (1945). Д. 4.

Литература

Ананьев В.Г. Письма К.Н. Сербиной А.И. Андрееву военного времени как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. 2010. Т. 31. С. 456–475.

Басаргина Е.Ю. К 130-летию М.Е. Сергеевко: защита докторской диссертации в блокаде Ленинграде // Philologia Classica. 2021. Т. 16. № 2. С. 346–369. DOI: 10.21638/spbu20.2021.214.

Бурдей Г.Д., Наумов С.Ю. Историческая литература в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Вып. 3. Саратов: Образование, 1995. 108 с.

Жмудь Л.Я. Изучение античной науки в ИИНиТе на фоне 1930-х гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 3–26.

Картюк С.Г. «Вестник древней истории»: начало // Вестник древней истории. 2017. Т. 77. № 3. С. 769–777.

Картюк С.Г. «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. М.: ИВИ РАН, 2021. 411 с.

Картюк С.Г. От эвакуации к реэвакуации: московские историки древности в 1941–1943 гг. // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. №. 27–1. С. 529–537. DOI: 10.30842/ielcp230690152738.

Картюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. № 4. С. 1011–1031. DOI: 10.31857/S032103910002917-1.

Картюк С.Г., Крих С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: плоды усилий // Вестник древней истории. 2019. Т. 79. № 1. С. 136–151. DOI: 10.31857/S032103910004510-4.

Кольцов А.В. Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. СПб.: Наука, 1997. 189 с.

Ладынин И.А., Тимофеева Н.С. Египтолог М.А. Коростовцев и его инициатива по созданию научного представительства СССР в Египте (1943–1947 годы) // Исторические записки. 2014. № 15 (133). С. 368–392.

Метель О.В. Академическая наука в эвакуации: институт истории АН СССР в 1941–1943 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 139–146. DOI: 10.17223/15617793/472/17.

Скворцов А.М. Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ: история создания и организация учебного процесса // *Philologia Classica*. 2020. Т. 15. № 2. С. 394–410. DOI: 10.21638/spbu20.2020.213.

Скворцов А.М. Классическая филология на заключительном этапе Великой Отечественной войны: актуализация дисциплины // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2022. № 26-2. С. 1299–1308. DOI: 10.30842/ielcp230690152683.

Тихонов В.В. «С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР // *Российская история*. 2021. № 5. С. 144–154. DOI: 10.31857/S086956870016624-7.

Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 гг.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.

Цамутали А.Н., Чистиков А.Н. Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР в 1936–1984 гг. // *Труды Санкт-Петербургского института истории РАН*. 2016. Вып. 2 (18). С. 288–376.

«Центром исторической науки в СССР должен быть Институт истории Академии наук». Проект директора института академика Н.М. Лукина. 1936 г. / Публ. В.В. Тихонов, А.А. Чернобаев // *Исторический архив*. 2021. № 2. С. 71–80.

Шарова А.В. Историк и время. Маленькие радости большого террора: Первые годы Института истории АН СССР // *Одиссей: Человек в истории*. 2004. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 318–350.

“The Academy Will Not Require You to Do Any Other Work than Work on the Topic You Choose for Yourself”: Ancient Historians in LOII in the Years of the Great Patriotic War

ARTYOM M. SKVORTSOV

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg Branch,
St Petersburg, Russia;
Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia;
e-mail: artiom-skvortcov@yandex.ru

The study takes a neo-institutional approach to the history of science and is based on unpublished sources. The period of the Great Patriotic War is recognised as a special one in historiography, but the author seeks to show the connection between the scientific research of ancient historians of LOII and the preceding and subsequent period of science development. So work on World History, begun in the pre-war period, was continued during the war years, but at the end of 1944 the edition was deemed inexpedient. The author comes to the conclusion that, as a rule, scientists did not concentrate only on propaganda work and giving popular scientific lectures, but put in their plans purely scientific questions of a diverse nature that fell out of the scope of planned topics formulated by the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR, which was not opposed by the leadership. The

control over the activities of the LOII staff located in different cities of the USSR until 1944 was relatively weak and formal: the completion of topics was constantly postponed to subsequent years. The nature and content of the reports of the staff of the ancient world group of the LOII (S.Ya. Lurie and M.E. Sergeenko) in the second half of 1944 and their discussions testify to a certain freedom of scientists from ideological control, their distancing from discussions on the use of the Marxist-Leninist heritage in the study of antiquity, their consideration of issues not peculiar to the Soviet historiography of the 1930s. Implicit in the findings is a hope for democratisation of the political order. The activity of the LOII staff in perpetuating the memory of academician S.A. Zhebelev reveals their orientation to the connection with pre-revolutionary traditions, including a strictly scientific approach.

Keywords: antiquity studies, Institute of History, classical philology, history of science, history of the Russian Academy of Sciences.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant No. 23-28-00240 “Mobilization of Ancient History: Institutional Transformations and Soviet Military Historical Narrative 1941–1945”.

References

Arkhiv Rossiyskoy Akademii nauk (ARAN) [Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS)], f. 1577 (Insitut istorii AN SSSR). op. 2. d. 74 (in Russian).

Anan'yev, V.G. (2010). Pis'ma K.N. Serbinoy A.I. Andreyevu voyennogo vremeni kak istoricheskiy istochnik [Letters of K.N. Serbina to A.I. Andreev of wartime as a historical source], *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny*, vol. XXXI, 456–475 (in Russian).

Basargina, E.Yu. (2021). K 130-letiyu M.E. Sergeenko: zashchita doktorskoy dissertatsii v blokadnom Leningrade [On the 130th anniversary of M.E. Sergeenko: Doctoral defense in besieged Leningrad], *Philologia Classica*, 16 (2), 346–369 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu20.2021.214.

Burdej, G.D., Naumov, S.Yu. (1995). *Istoricheskaya literatura v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Dokumenty i materialy* [Historical literature during the Great Patriotic War. Documents and materials], vyp. 3, Saratov: Obrazovaniye (in Russian).

Karpyuk, S.G. (2021). “Sovetskaya drevnost’”: istoriya nauki i obshchestva v 1930–1960-e gody [“Soviet antiquity”: the history of science and society in the 1930s — 1960s.]. Moskva: IVI RAN (in Russian).

Karpyuk, S.G. (2017). “Vestnik drevney istorii”: nachalo [Journal of Ancient History: the beginning], *Vestnik drevney istorii*, 77 (3), 769–777 (in Russian).

Karpyuk, S.G. (2023). Ot evakuatsii k reevakuatsii: moskovskiye istoriki drevnosti v 1941–1943 gg. [From evacuation to re-evacuation: Moscow historians of antiquity in 1941–1943], *Indoevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, no. 27-1, 529–537 (in Russian). DOI: 10.30842/ielcp230690152738.

Karpyuk, S.G., Krikh, S.B. (2018). Rabota nad “Vsemirnoy istoriey” v dovoyenny period: poiski upravlencheskoy modeli [Work on “World history” in the pre-war period: the search for a management model], *Vestnik drevney istorii*, 78 (4), 1011–1031 (in Russian). DOI: 10.31857/S032103910002917-1.

Karpyuk, S.G., Krikh, S.B. (2019). Rabota nad “Vsemirnoy istoriey” v dovoyenny period: plody usiliy [Work on “World history” in the pre-war period: fruits of efforts], *Vestnik drevney istorii*, 79 (1), 136–151 (in Russian). DOI: 10.31857/S032103910004510-4.

Klyuev, A.I., Metel', O.V. (Eds.) (2018). Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy [Abram Borisovich Ranovich: documents and materials], Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta (in Russian).

Kol'tsov, A.V. (1997). *Leningradskie uchrezhdeniya Akademii nauk SSSR v 1934–1945 gg.* [Leningrad institutions of the USSR Academy of Sciences in 1934–1945], S.-Peterburg: Nauka (in Russian).

Ladynin, I.A., Timofeeva, N.S. (2014). Egiptolog M.A. Korostovtsev i yego initsiativa po sozdaniyu nauchnogo predstavitel'stva SSSR v Yegipte (1943–1947 gody) [Egyptologist M.A. Korostovtsev and his initiative to establish the USSR scientific representative office in Egypt (1943–1947)], *Istoricheskiye zapiski*, no. 15 (133), 368–392 (in Russian).

Metel', O.V. (2021). Akademicheskaya nauka v evakuatsii: Institut istorii AN SSSR v 1941–1943 gg. [The academic science in evacuation: The Institute of History of the Academy of Sciences of the Soviet Union in 1941–1943], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 472, 139–146 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/472/17.

Rabinovich, M.V. Vospominaniya dolgoy zhizni [Memories of a long life]. Available at: https://vgulage.name/books/rabinovich-m-b-vospominaniya-dolgoj-zhizni/#chapt_72025 (date accessed: 28.12.2023) (in Russian).

Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva Rossiyskoy Akademii nauk (SPbF ARAN) [St. Petersburg Branch of the Archive of Russian Academy of Sciences (SPbF ARAS)], f. 133 (Leningradskoye otdeleniye Insituta istorii AN SSSR), op. 1 (1942), d. 3 (in Russian).

SPbF ARAN [SPbF ARAS], f. 133, op. 1, d. 1655, 1684 (in Russian).

SPbF ARAN [SPbF ARAS], f. 133, op. 1 (1944), d. 4, 6, 7, 8, 14 (in Russian).

SPbF ARAN [SPbF ARAS], f. 133, op. 1 (1945), d. 4 (in Russian).

[Serbina, K.N.] (2015). Vospominaniya K.N. Serbinoy o rabote v LOII v gody voyny i blokady [Memoirs of K.N. Serbina about her work in the LBIH during the war and the blockade], *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny*, vol. XXXIII, 552–562 (in Russian).

Sharova, A.V. (2004). Istorik i vremya. Malen'kiye radosti bol'shogo terrora: Pervyye gody Instituta istorii AN SSSR [The historian and the time. The little joys of the great terror: The early years of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences], in *Odyssey: Chelovek v istorii* [Odysseus. A man in history] (pp. 318–350), Moscow: IVI RAN (in Russian).

Skvortsov, A.M. (2020). Kafedra klassicheskikh yazykov i literatur LIFLI: istoriya sozdaniya i organizatsiya uchebnogo protsessa [Department of classical languages and literature of the LIPLH: Creation and organization of the educational process], *Philologia Classica*, 15 (2), 394–410 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu20.2020.213.

Skvortsov, A.M. (2022). Klassicheskaya filologiya na zaklyuchitel'nom etape Velikoy Otechestvennoy voyny: aktualizatsiya distsipliny [Classical philology at the final stage of the Great Patriotic War: actualization of the discipline], *Indoyevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, no. 26 -2, 1299–1308 (in Russian). DOI: 10.30842/ielcp230690152683.

Tikhonov, V.V. (2021). “S russkim razmakhom i amerikanskoj delovitost'yu”: kollektivnyye i individual'nyye formy organizatsii issledovaniy v Institute istorii AN SSSR [“With Russian scope and American efficiency”: collective and individual forms of research organization at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences], *Rossiyskaya istoriya*, no. 5, 144–154 (in Russian). DOI: 10.31857/S086956870016624-7.

Tikhonov, V.V. (2016). *Ideologicheskiye kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh — 1953 gg.)* [Ideological campaigns of “late Stalinism” and Soviet historical science (mid-1940s — 1953)], Moskva; S.-Peterburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Tikhonov, V.V., Chernobaev, A.A. (Eds.) (2021). “Tsentrom istoricheskoy nauki v SSSR dolzhen byt' Institut istorii Akademii nauk”. Proyekt direktora instituta akademika N.M. Lukina. 1936 g. [“The Institute of History of the Academy of Science shall become the heart of the historical science in the USSR”. Project of the director of the Insitute, academian N.M. Lukin. 1936], *Istoricheskiy arkhiv*, no. 2, 71–80 (in Russian).

Tsamutali, A.N., Chistikov, A.N. (2016). Leningradskoye otdeleniye Instituta istorii AN SSSR v 1936–1984 gg. [Leningrad branch of the Institute of History of the AS USSR in 1936–1984.], *Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN*, no. 2 (18), 288–376 (in Russian).

Zhmud, L.Ya. (2013). Izucheniye antichnoy nauki v IINiTe na fone 1930-kh gg. [The study of ancient science in IINT on the background of the 1930s], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 3, 3–26 (in Russian).